

ВЫСОКИЙ ПУТЬ ПОЭТА

У меня был друг Вивиан.
Он мечтою был обуян
Сделать этот мир восхитительным.
Я дружил с Вивианом Итиным...
Леонид Мартынов

В августе 1928 года, отлученный в результате травли литературной группой «Настоящее» от руководства журналом «Сибирские огни» и сибирским Союзом писателей Владимир Зазубрин отбывал из Новосибирска в Москву. Уезжал в подавленном состоянии. Удовлетворенный только одним, пожалуй, обстоятельством: «Сибирские огни» оставались на попечении достойного во всех отношениях человека и литератора.

Звали его Вивиан Азарьевич Итин.

Как и Зазубрин, он не был коренным сибиряком, и его тоже занесли в будущую столицу Сибири революционные ветры. Определенные черты сходства наблюдаются и в жизненных путях этих писателей. Фактически ровесники (разница между ними всего в один год), оба и в «Сибирских огнях» появились почти одновременно. И даже из одного географического пункта (Канска).

Родился Вивиан Итин 26 декабря 1893 (7 января 1894 по н. ст.) года в Уфе. Его отец, Азарий Александрович Итин был успешным адвокатом, активным в общественной жизни города человеком и основателем местного Коммерческого училища. В семье было четверо детей: два сына и две дочери. Вивиан шел вторым за братом Валерием. Возможно, и назвали его так потому, что в православных святцах Вивиан (в честь Святой Вивианы) шло сразу же за именем Валерия.

В 1912 году Вивиан с отличием окончил реальное училище и отправился в Петербург для учебы в Психоневрологическом институте. Годом позже перевелся на юридический факультет Петербургского университета. После Октябрьской революции 1917 года Итин поступает на работу в Наркомат юстиции, который вскоре перебазировался в Москву, куда переезжает и Итин. А летом 1918 года, прибыв в отпуск в Уфу к родным, из-за восстания белочехов он уже не смог вернуться назад.

Итин устроился переводчиком в американскую миссию Красного Креста и отправился с ней через Сибирь и Японию в США. Но, оказавшись в местах боевых действий, бросил миссию и перешел в Красную Армию. С частями Пятой Армии Итин прошел с боями всю Сибирь. Благодаря юридическому образованию, он стал членом революционного трибунала армии. А в 1920 году вступил в партию большевиков и был назначен заведовать отделом юстиции в Красноярске. Одновременно в газете «Красноярский рабочий» редактировал «Бюллетень распоряжений» и литературный уголок «Цветы в тайге». Здесь Вивиан Итин опубликовал и первые свои стихи, хотя пробовать себя в слове начал еще в студенческую пору.

В том же 1920 году Вивиан Азарьевич связывает себя брачными узами с Агрипиной Ивановной Чириковой (первая жена В. Итина).

В 1921 году Итина переводят на работу в исполком уездного городка Канска. Поскольку оказался он здесь единственным человеком с университетским образованием, то и круг его обязанностей оказался весьма широк: Итин совмещал должности заведующих отделами агитации и пропаганды, политического просвещения, местного отдела РОСТА, редактора газеты и даже председателя товарищеского дисциплинарного суда.

Приехал он в Канск один. Быт Итина в захолустном уездном Канске был совершенно не устроен. Ночевать он приходил, когда заканчивался последний сеанс, в местный кинотеатр (иллюзион «Фурор»). О той поре он потом вспомнит в одном из стихов:

Я живу в кинотеатре
С пышным именем «Фурор».
Сплю, накрывшись старой картой,
С дыркой у Кавказских гор...

При всем этом успевал много писать и активно печататься. В том числе и в «Сибирских огнях». Журнал публикует его пьесу «Власть», стихи, рецензии, в том числе и на последние книги Николая Гумилева («Огненный столп», «Тень от пальмы», «Посмертный сборник»), который завершал словами: «Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России останется страшной трагедией». Надо было обладать немалой отвагой, чтобы говорить так о человеке, всего за полгода до этого расстрелянного большевиками «за участие в контрреволюционном заговоре».

А в 1922 году в том же Канске выходит и первая книга Итина — «Страна Гонгури». Изначальный ее вариант под названием «Открытие Риэля» Итиным (тогда еще студентом) был написан в 1916 году. Его студенческая подруга, дочь профессора Петербургского университета Лариса Рейснер (та самая, что стала впоследствии прототипом главной героини «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского) передала эту небольшую повесть-утопию в горьковскую «Летопись». Горький отнесся благосклонно, принял в печать, но журнал в 1917 году закрылся, а повесть так и осталась не опубликованной. Позже кто-то переслал чудом сохранившуюся рукопись в Канск. Итин несколько переработал ее, сменил жанровое обозначение на «роман» и, фактически воспользовавшись служебным положением, напечатал «на бумаге, принадлежавшей газете «Каннский крестьянин» небольшую книжечку тиражом в семьсот экземпляров, но уже под названием «Страна Гонгури».

Что за Гонгури? Откуда взялось это странное, какое-то нездешнее имя, которое носит возлюбленная главного героя произведения?

Кстати говоря, так же звали и первую дочь Вивиана Азарьевича и Агрипины Ивановны, умершую 1 сентября 1922 года в Красноярске в возрасте одиннадцати месяцев. Не исключено, что и названа она была Итиным в честь героини повести.

По поводу же происхождения самого этого имени — Гонгури — в одном из стихов Итин пишет:

Ветра, в предвосхищенье бури,
Берут стремительный разгон
Туда, где имя речки Ури,
Таежной звонкой речки Ури,
Звучит раскатисто, как гонг.

А в письме к другу, поэту Леониду Мартынову, он разъясняет: «Гонг Ури! Объединенные стихотворным ритмом, эти слова прозвучали едино. Единое целое. Кстати, в детстве я название романа Джека Лондона так и представлял — «Зовпредков». Вот и здесь получилось Гонгури».

Сюжет произведения достаточно прост. В колчаковской тюрьме ждут казни юный партизан Гелий и старый врач Митч, участник революции 1905 года. Представители двух революционных поколений. Но если Митч уже ничего не ждет от будущего, то Гелий страстно желает хоть на чуть-чуть оказаться в «стране счастливых», за которую он сознательно пойдет на смерть. В чем и признается старому врачу и просит усыпить его, чтобы хоть во сне побывать «в мире более совершенном». Врач, идя навстречу, обращает его в гипнотический сон, в котором Гелий перевоплощается в жителя далекой планеты — ученого Риэля. Взорам Гелия-Риэля предстают картины прекрасного справедливого мира без неравенства, насилия и войн — такого непохожего на земную реальность. Здесь герой встречает «свою Гонгури» — красавицу и поэтессу, девушку с «рубиновым» сердцем,

свою мечту. Как ученый Риэль делает открытие, позволяющее наблюдать за происходящим на далекой несчастной планете Земля. Увиденное (кровавая бойня, в которой одни народы уничтожают другие) его потрясает. И в первую очередь тем, что «это была скорей не война, а коллективно задуманное самоубийство, так спокойно, медленно и чудовищно совершалось массовое истребление жестоких крошечных существ».

Невольно вспоминается столь близкая итинской по антивоенному пафосу повесть-метафора Антона Сорокина «Хохот желтого дьявола». Да и цель создания этих произведений — способствовать тому, «чтобы армии бросили оружие» — общая. Риэль из фантастической страны будущего не выдерживает увиденного на Земле и приходит к мысли о самоубийстве. Реального же красного партизана Геля на рассвете расстреливают колчаковцы. Но погибает он с мыслью о Гонгури, с верой в счастливое будущее человечества.

Повесть «Страна Гонгури» не прошла незамеченной. В рецензиях недостатка не было. Особенно после выхода в 1927 году сборника «Высокий путь», куда эту вещь Итин поместил снова под названием «Открытие Риэля». Но радости эти отклики автору явно не принесли. Оценивали рецензенты произведение весьма сурово. Евг. Книпович, например, упрекала за то, что «на борьбу с милитаризмом Итин выдвигает общие и туманные идеи гуманности и пацифизма», в результате чего повесть «оказалась мертвой и отвлеченной легендой, перегруженной философией, литературой, биологией и т.д.»¹. В. Правдухин, в целом высоко ценивший Итина, «Страну Гонгури» тоже посчитал неудачей писателя. Прежде всего, потому, что «ее замысел не укладывается в живые, очевидные образы»². Лишь М. Горький отнесся к Итину благожелательно, отметив в своем письме к нему, «что вы, пожалуй, смогли бы хорошо писать «фантастические» рассказы. Наша фантастическая действительность этого и требует»³.

Как бы там ни было, при всех ее недостатках у «Страны Гонгури» оказалась долгая жизнь. В советское время она была неоднократно переиздана у нас в стране и за рубежом, вошла во многие сборники и антологии фантастики. В том числе и в один из томов серии «Библиотека фантастики» («Советская фантастика 20-х — 40-х годов»). А ее автор стал пионером этого жанра в СССР, ибо знаменитая «Аэлита» А. Толстого появилась на свет почти годом позже.

Антивоенным пафосом проникнута и повесть Итина «Урамбо», впервые увидевшая свет в журнале «Сибирские огни». Названа она по имени слона, которого «англичанин из Ливерпуля» везет для передвижного зверинца в Петербург. Попутно мистер Грэнди переправляет в Россию партию германских пулеметов. В Петербурге слон вырывается на волю и погибает, застреленный полицейскими и добитый (чтоб не мучился) студентом Шеломиным. Поступок последнего вызывает бурю обывательского негодования. Но те же самые обыватели, клеймившие студента, на званых обедах произносят пламенные речи, приветствуя начавшуюся большую войну и мобилизацию, фактически поощряя кровопролития куда более грандиозные и жестокие, нежели убийство взбесившегося Урамбо.

Персонажи повести четко разделены: по одну сторону те, кому война выгодна, а сами они благополучно отсиживаются в тылу, по другую — те, кому приходится проливать кровь на полях сражений. Позиция автора, его симпатии и антипатии при этом также предельно обнажены и недвусмысленны.

В формальном же отношении повесть примечательна тем, что в ней «соседствуют, не смешиваясь, два стилевых потока, границу между которыми легко провести — сатирический и романтический»⁴.

---

¹ «Красная новь», 1928, №2

² «Сибирские огни», 1928, №1.

³ Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. 1, с. 87.

⁴ Мостков. Ю. Портреты. — Новосибирск, 1981, с.35.

В 1922 году Итин переезжает в Новониколаевск и на долгие годы связывает свою судьбу с этим городом и «Сибирскими огнями», куда поступает сначала заведующим отделом поэзии, потом занимает должность ответственного секретаря редакции, а в 1928 — 1929-м и 1933 — 1934-м годах возглавляет журнал. В 1923 году появляется в Новониколаевске и его первая и единственная прижизненная поэтическая книжка — «Солнце сердца». С этого времени Вивиан Итин становится по-настоящему профессиональным писателем.

Город на Оби много значил для Итина. Как в литературной, так и в личной жизни. Здесь он женился во второй раз — на художнице Ольге Ананьевне Шереметинской. Здесь родились его дочери: от первого брака — Лариса Вивиановна Итина (1926) и от второго — Наталья Вивиановна Шереметинская (1930). Старшая живет в настоящее время в США, младшая — в Новосибирске.

Начинал же Итин свой литературный путь как поэт-романтик. «Я был искателем чудес, невероятных и прекрасных», — писал он в поэме «Солнце сердца», определяя наиболее, пожалуй, характерную особенность собственного творчества. И не только поэтического. Печать романтизма лежит на большинстве его произведений. Хотя в поэзии она, пожалуй, наиболее очевидна.

Но и романтизм его постепенно менял свою суть и направление, двигаясь от романтики «книжной», которой было проникнуто раннее творчество Итина, к романтике современных реалий — тех великих перемен, какие несла полная грандиозных событий российская послереволюционная жизнь. И своего рода точкой творческого отсчета, «знаменующей обращение к романтике, овеянной ветрами живой жизни»¹, стала для Итина поэма «Солнце сердца», давшая название всему сборнику. В ней поэт прославляет подвиг борцов за революцию, мечтающих преобразовать действительность, сделать явью грезы о лучшей жизни. Предваряя книгу молодого поэта, критик В. Правдухин приходил к выводу, что «синтез «Солнца и Сердца» таит в себе глубокие музыкальные возможности, — элементы новой — органической и естественнейшей культуры»².

Романтическое начало творческого существа Итина отчетливо проявилось и в очерковой прозе писателя, которой он занимался практически всю свою литературную жизнь.

Вивиан Азарьевич жадно следил за бурным развитием науки и техники и живо откликался на сколь-нибудь значимые в этой сфере события. А когда в Сибири появился первый гражданский самолет «Сибревком», приобретенный в Германии для «Сибавиахима», Итин вместе с пилотом Иеске в 1925 году отправился на нем в агитационный полет по Алтаю и Ойротии. Из-за неисправности им пришлось совершить вынужденную посадку в тайге. Алтайцы называли этот самолет «Каан-Кэрэдэ» — по имени волшебной птицы алтайского эпоса. Впечатления о том полете, окрашенные восторженным отношением Итина к покорителям воздушного океана, легли в основу очерковой повести об авиаторах «Каан-Кэрэдэ», стержнем которой как раз и стала романтически-символическая встреча прошлого и настоящего. Повесть появилась в «Сибирских огнях» в 1926 году, а в 1928-м году по авторскому сценарию на ту же тему был снят фильм.

Романтика двигала и увлечением Итина Севером. Он страстно отстаивал идею освоения Северного морского пути, сотрудничал с организацией «Комсевморпуть». Летом 1926 года участвовал в гидрографической экспедиции по обследованию Гыданской губы неподалеку от устья Енисея, а в 1929-м — на борту ледокола «Красин» (впервые в истории судоходства) дошел Северным морским путем до Ленинграда. В 1931 году на Первом восточносибирском научно-исследовательском съезде Итин выступает с докладом «Северный морской путь» и сразу же получает приглашение в новую экспедицию. В 1934 году на судне «Лейтенант Шмидт» он принимает участие в так называемом «колымском»

¹ Мостков. Ю. Портреты. — Новосибирск, 1981, с. 38.

² В. Итин. Солнце сердца. — Новосибирск, 1923, с. 13.

рейсе — захватывающем путешествии по дальневосточным морям, омывающим Курилы, Камчатку, Чукотку... до устья реки Колымы, впадающей в Колымский залив Восточно-Сибирского моря. Корабль там зазимовал, а Итин возвращался в Новосибирск на собаках и оленях. «Я не умру в своей постели, // Я где-нибудь в горах свалюсь», — с улыбкой писал Итин в ту пору в одном из стихотворений. По материалам своих путешествий Итин пишет многочисленные очерки, которые складываются в книги: «Восточный вариант», «Морские пути Советской Арктики», «Выход к морю» и др., а также повесть «Белый кит».

Документально-художественные повествования Итина насыщены фактами, отличаются глубоким знанием материала, аргументированностью и в то же время яркой эмоциональной окрашенностью, поэтичностью. «Итин в очерках — всегда занимательный собеседник читателя, он умеет завоевывать читательское доверие, вызывать интерес к предмету разговора... Итин — один из пионеров советского очерка, он много сделал для развития очеркового жанра в Сибири, предопределил его дальнейшее движение во времени»¹. И не случайно Итин лауреатом двух литературных премий имени А.М. Горького Западно-Сибирского края. В 1933 году — за очерки об освоении советского Севера, а в 1935-м — за очерковую книгу «Выход к морю».

Впечатления от северных путешествий находили отражение не только в очерковой прозе Итина, но и в его стихах, также отмеченных верой в человека, покоряющего полярные просторы:

И я живу одним дыханьем,
Я пью оледеневший снег.
Я знаю крепко:
Человек
Цветет под северным сиянием.

Зазубрин когда-то называл сибирским Джеком Лондоном новосибирского прозаика и писателя-краеведа Максимилиана Кравкова, но с полным на то основанием можно было так окрестить и Вивиана Итина.

Впрочем, я не удивился б, если кто-то вдруг назвал его еще и сибирским Белинским. Поэт, прозаик, драматург, очеркист, публицист, Итин был еще и литературным критиком, роль которого «в утверждении и развитии Сибири критического жанра неоспорима»². Занимаясь критикой всю творческую жизнь, Итин писал рецензии, обзоры, обобщающие и проблемные статьи. Редко какой номер «Сибирских огней» двадцатых-тридцатых годов обходился без критических материалов Итина, касавшихся самых насущных сторон литературной жизни — и в первую очередь Сибири. В них он отличался независимостью взгляда, экспрессивностью и неизменно отстаивал мысль, что писатель обязан не просто правдоподобно отражать действительность, а пропускать картины жизни через свое сердце. О чем свидетельствуют, к примеру такие статьи Итина, как «Поэты и критики», или «Литература советской Сибири».

Но, о чем бы и в каком жанре Итин ни работал, он всегда оставался поэтом. И здесь невозможно не согласиться с Л. Мартыновым, отмечавшим, что «Вивиан Итин прежде всего поэт, и даже вся его проза — это проза талантливого поэта, будь это даже полемические статьи по вопросам художественного творчества или по вопросам кораблевождения в полярных морях...»³. Не случайно и сам Итин ту же, скажем, повесть «Каан Кэрэдэ называл «поэмой в прозе».

Вел Итин и большую общественную, организаторскую работу, в первую очередь по собиранию литературных сил Сибири. Вместе с Зазубриным он руководил литературными кружками для начинающих писателей. Под его редакцией в 1925 году в Новониколаевске

¹ Мостков Ю. Портреты. — Новосибирск, 1981, с 59.

² Там же, с. 61.

³ Мартынов Л. Час воскрешения Вивиана Итина. // «День поэзии»-63». — М., 1963.

вышел поэтический сборник «Вьюжные дни», где в числе других сибирских поэтов были помещены стихи молодого тогда Леонида Мартынова. Активное участие принял Итин и в организации Союза сибирских писателей. В 1926 году он был избран секретарем его правления.

Вот как Ефим Пермитин в романе «Поэма о лесах» описывает Итина, выступающего на Первом съезде сибирских писателей:

«Как и Зазубрин, Итин был тоже в черном, но не в обычном костюме, а в отлично сшитом смокинге, в белоснежной крахмальной манишке с высоким, подпиравшим шею воротником, с широкими манжетами и сверкающими в них золотыми запонками. Среднего роста, тонкий, стройный, тщательно выбритый и гладко причесанный на английский манер. У него большие, темные, в густых ресницах, скорбные глаза. Тонкое, умное лицо его всегда сосредоточенно. Итин редко улыбается и улыбается только одними губами, но и во время улыбки лицо его остается задумчиво-грустным, погруженным в самого себя, занятым какой-то одной мучительно-неразрешимой мыслью. Лидия Сейфуллина прозвала его Спящим царевичем. Но теперь в своем смокинге он выглядел несколько иным, чуточку торжественным и даже взволнованным...».

А вот как изображает его в статье «Литературная пушнина» Владимир Зазубрин: «Итин спокойно независим. Он знает, как делаются рассказы и стихи, он учит этому искусству молодых поэтов. Он сам умеет крепко сделать повесть, поэму. Итин читает американские журналы и чисто, аккуратно бреется. Он иногда кажется джентльменом, смотрящим на мир несколько свысока. Он свои повести стрижет тщательно, как голову, и скоблит бритвой, как щеки. Его работы хорошо отполированы. Они всегда холодят руки»¹.

В 1928 году после ухода из журнала Зазубрина Вивиян Итин возглавил «Сибирские огни». Со стороны партийных органов, назначавших его на должность, это был вполне логичный шаг. Лучшей кандидатуры тогда просто и не было. Тем более что и в противоборстве с группой «Настоящее» Итин проявил стойкость и принципиальность. Даже ярые оппоненты это признавали. Как и удивительный магнетизм его личности. Анатолий Высоцкий, два раза приходивший на смену Итину, на закате своей жизни вспоминал:

«В. Итин обладал даром привлекать к себе сердца. Человек высокой интеллектуальности, высокой культуры, он был поэтом до мозга костей, независимо от количества написанных им стихов: поэтом по мироощущению, по мировосприятию, по любви к поэзии и по знанию ее. Слушали его в захлеб, особенно молодые поэты. Суждения его были верны и убедительны, он мог цитировать Байрона по-английски, тут же переводил, цитировал также других поэтов — зарубежных и русских, необычайно любил Александра Блока, высоко ставил его поэму «Двенадцать»... Встречи с Итиным для литературной молодежи были, пожалуй, откровением»².

Новый главный (ответственный) редактор продолжил традиции журнала, заложенные Емельяном Ярославским и Владимиром Зазубриным. Правда, развернуться ему не дали. Как и его предшественник, Итин оказался в жерновах жесточайшей групповой борьбы.

С отъездом в Москву Зазубрина литературные распри в Сибири не утихли. Не успокаивались «настоященцы». Взяв их себе в союзники, в бой вступило руководство Сибирской ассоциации пролетарских писателей, не скрывавшее никогда истинной своей цели. «Сибирские огни должны стать органом СибАПП», — не раз заявляло оно, не прекращая попыток дискредитировать журнал любыми способами, одним из которых было навешивание политических ярлыков: «правооппортунистический», «кулацко-народнический», «реакционный» и т.д. И, в конце концов, цели своей руководство СибАПП добилось. В начале 1930 года после съездов Сибирской ассоциации

¹ «Сиб. огни», 1927, №1.

² Мостков Ю. Портреты. — Новосибирск, 198, с. 67-86.

пролетарских писателей и Союза сибирских писателей (любопытно, что на обоих выступал с докладом представитель РАПП А. Селивановский; главным докладчиком на съезде ССП был Вивиан Итин), где литературная борьба достигла своего апогея, журнал «Сибирские огни» стал-таки органом СибАПП. Новую же редколлегию, куда входил и Вивиан Итин, возглавил Анатолий Высоцкий.

Конец «групповщине» и литературным распрям в столицах и на периферии положило постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», где говорилось об объединении «в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». Все прежние литературные организации в центре и на местах в связи с этим распускались. Вместо них были созданы региональные оргкомитеты по подготовке Всесоюзного съезда советских писателей. Председателем Западно-Сибирского оргкомитета был избран Высоцкий. Ну, а «Сибирские огни» с начала 1933 года становятся органом Западно-Сибирского оргкомитета Союза советских писателей и к руководству его возвращается Итин. Работу в журнале он совмещает с должностью председателя правления Западно-Сибирского объединения советских писателей.

В возвращении Итина Горький усмотрел для «Сибирских огней» добрый знак. В письме Итину из Сорренто 5 января 1933 года он писал: «Очень рад узнать, что «Сибирские огни» снова разгораются, искренне желаю им разгореться ярко, уверен, что так и будет»¹.

Со вторым «пришествием» Итина и прекращением групповой борьбы характер и тональность журнальной политики «Сибирских огней» достаточно круто изменились. Это хорошо видно по двум редакционным статьям, опубликованным с годовым интервалом. Если в январе 1932 года Высоцкий в статье «Непременное условие борьбы» ратовал за доведение литературной борьбы до победного конца, то ровно через год сменивший его Итин в статье «Десять лет «Сибирских огней», подводя итоги десятилетней работы журнала и намечая программу деятельности своей обновленной редакции в новой литературной обстановке, настаивал уже «на прекращении борьбы, на сплочении писателей»².

В Москву на Всесоюзный писательский съезд, проходивший в августе 1934 года, Новосибирск делегировал довольно значительный отряд своих литераторов. Итин выступил со съездовской трибуны с докладом. В нем он констатировал и подчеркивал: «Тема превращения отсталой страны — в страну крупной индустрии, вооруженной самой передовой современной техникой, в страну крупнейшего в мире социалистического земледелия, превращения мелкого собственника в колхозника, кочевника — в строителя социализма, малограмотного парня — в научного работника и т.п. — является и становится главной темой советской литературы в Сибири».

Тема эта стала магистральной и для «Сибирских огней», так или иначе находя отражение во всех представленных на страницах журнала жанрах.

Второй и последний редакторский отрезок жизненного пути Итина тоже оказался недолг. В 1935 году его сменил все тот же Высоцкий, сделавшийся к этому времени ревностным служителем партийности литературы и проводником принципов социалистического реализма. Итин же практически отходит от активной организаторской и общественной деятельности и сосредоточивается на литературной работе. Еще в 1931 году в письме Горькому он жаловался: «Накопилось много замыслов, много материала. Если бы Вы знали, Алексей Максимович, как иногда хочется получить возможность спокойно поработать хоть полгода!»¹

И вот такая возможность хоть и поневоле появилась. Итин продолжает работать в документально-художественном жанре. Даже последнее, опубликованное при его жизни

¹ Горький М. Собр соч. в 30 т. — М., 1955, с. 247.

² «Сиб. огни», 1933, №1-2.

¹ Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1969. Т. 1, с. 42.

произведение — «Завоеватели сибирского полюса» («Сибирские огни», 1938, №1), было очерком. Не оставляет и поэзию. Только вот романтический ее ореол обретает у него более кровавый и зловещий оттенок. И все прозрачнее становятся параллели с социальной и политической реальностью, все смелее поэтические высказывания.

Продолжает Итин начатую еще в середине 1920-х годов работу над романом «Конец страха» (он так и остался незаконченным). Еще раз обращается Итин и к драматургии. В 1937 году новосибирский театр «Красный факел» принял к постановке его пьесу «Козел». Зритель, однако, ее не увидел. Не пропустила цензура. Не появилась пьеса и до сих пор — ни на сцене, ни в публикации.

И все-таки, несмотря на то, что после расставания в 1935 году с журналом «Сибирские огни», Итина уже не донимали служебные и общественные заботы, спокойно и безмятежно отдаваться творчеству не удавалось. Вернее — не давали. Чаще и чаще доставали Итина ядовитые стрелы недоброжелательных критиков, злее становились нападки. Вот и Горькому в одном из писем он признается: «...Зависть, бюрократизм, глупость были, есть и не скоро переведутся. Литература всегда была ненавистна. Она причиняет беспокойство»². Итин был независимым и гордым человеком, что раздражало его недругов еще больше. И тучи над его головой сгущались с каждым днем сильнее...

В 1933 году Итин опубликовал еще один отрывок из романа «Конец страха» под названием «Ананасы под березой» («Сиб. огни», №1-2), куда под видом перевода из Эдгара включил стихи собственного сочинения, в которых были и такие строки:

Шуты украли образ Бога,
И странно озарен им ад.
Марионетки! Как их много!
Идут вперед, идут назад...

...Но вот средь сборища шутов,
Исчадье мутных злобных снов,
Встает кроваво-красный зверь.
Шуты безумствуют теперь,

Изнемогая от тоски,
И ненасытные клыки,
Как молния, все вновь и вновь
Впиваются в людскую кровь...

Клыки «кроваво-красного» зверя сталинского террора достигнут через несколько лет и самого Итина. 30 апреля 1938 года по обвинению в абсурдных связях с японской разведкой и шпионаже в пользу этой страны он был арестован и 17 октября 1938 года постановлением тройки НКВД Новосибирской области по статье 58-6 УК РСФСР приговорен к расстрелу. А уже через пять дней, 22 октября 1938 года, приговор был приведен в исполнение. Место захоронения поэта осталось неизвестным.

Лишь в сентябре 1956 года Вивиан Азарьевич Итин был посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления. По этому поводу Л. Мартынов писал:

«Час воскрешения Вивиана Итина, этого жестоко и бессмысленно погубленного в годы массовых репрессий поэта настал. Пора по-настоящему воздать должное этому большому художнику слова... Полет поэта кончился трагически. Но осталась не горка праха, а книги... И все это полно страсти, полно мысли»¹.

«Высокий путь» поэта Вивиана Итина продолжается...

Алексей Горшенин

² Там же, с. 38

¹ Мартынов Л. Час воскрешения Вивиана Итина. // «День поэзии»-63». — М., 1963.

